

АКАДЕМИКЪ ГМЕЛИНЪ.

Гмелинъ Самуиль-Готлибъ-Георгъ, сынъ лѣкаря, родился въ Тюбингенѣ 23 Юня 1745 года и обучался въ тамошнемъ Университетѣ. Приобрѣтеныя имъ свѣдѣнія въ наукахъ, особенно въ Естественной Исторіи, доставили ему званіе профессора. Въ 1767 году онъ былъ вызванъ въ Россію С.-Петербургскою Академіею Наукъ, а въ слѣдующемъ *) отправленъ императрицею Екатериною II съ четырьмя студентами, аптекаремъ и живописцемъ въ южныя губерніи для физическаго описанія тѣхъ мѣстъ.

Гмелинъ поѣхалъ въ Астрахань черезъ Москву, Воронежъ и Азовъ. Осматривалъ (1770 и 1771 г.) пристани Каспійскаго моря и сосѣдственныя Персидскія провинціи, подробно описалъ ихъ; желая сдѣлать новыя открытія, углубился въ западную часть Персіи, наполненную разбойниками. Съ великимъ трудомъ и опасностію совершилъ онъ изъ Энзели (небольшаго городка Гилянской провинціи) путешествіе къ южному берегу Каспійскаго моря; едва въ Декабрѣ 1773 года пробрался къ Сальану, городу, лежащему на устьѣ рѣки Куры. Оттуда поѣхалъ онъ въ Баку и Кубу, гдѣ принять былъ очень хорошо Али-Фецъ-ханомъ Ширванскимъ. Тамъ, дождавшись провожатыхъ, двадцати Терскихъ казаковъ, онъ отправился съ ними въ Кизляръ и уже находился отъ сего города не далѣе пяти дней ѣзды, какъ захваченъ былъ въ плѣнъ (5 Февраля) горскимъ владѣльцемъ Умей-Ханомъ. Жестокое обращеніе, худая пища, несносный климатъ и утрата нѣсколькихъ путевыхъ записокъ, равно собранныхъ рѣдкихъ естественныхъ произведеній, привели въ уныніе духъ несчастнаго плѣнника, совершенно разстроили здоровье, ослабленное и безъ того странствованіемъ утомительнымъ: Гмелинъ скончался въ неволѣ 27 Юня 1774 года, на тридцатомъ году отъ рожденія. Товарищи его бѣдствія успѣли переслать въ Кизляръ нѣсколько рукописей сего неустрашимаго путешественника; остальные тетради съ великимъ трудомъ были исторгнуты изъ рукъ варваровъ.

*) Т.-е. въ годъ, когда началась первая война Екатерины Великой съ Турціей.
П. В.

Записки путешествій Гмелина для изслѣдованія трехъ Царствъ Естества изданы Академіею Наукъ съ 1770 по 1784 годъ, въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Русскій переводъ напечатанъ въ 1771—1785 годахъ съ рисунками. (Изъ Словаря Историческаго преосвященнаго митрополита Кіевскаго Евгенія о писателяхъ Россійскихъ и чужестранныхъ, въ Россіи водворившихся).

*

№ 185, получ. 22 Генваря 1774 года.

**Въ Кизлярскую коммендантскую канцелярію
сообщеніе ¹⁾.**

По прибытіи моемъ въ Кизляръ, долженъ буду я въ семь мѣстъ съ своею экспедиціею на нѣсколько времени пребываніе имѣть. Итакъ Кизлярскую комендантскую канцелярію покорно прошу назначить для моей свиты четыре удобныя квартиры, а для меня самого прошу пятую ту, на которой прежде сего стоялъ господинъ профессоръ Гильденштетъ ²⁾.

Самуель Гмелинъ.

Изъ Баки, 1774 Генваря 5 дня.

* *

*

№ 24, получ. 23 Января 1774 г.

**Въ Кизлярскую коммендантскую канцелярію
сообщеніе.**

Должность, на меня положенная, требуетъ, чтобъ я, окончивъ по восточному берегу Каспійскаго моря путешествіе, сухимъ путемъ чрезъ Персію въ Россію возвратился. Но какъ путь мой, предлежащій между Дербентомъ и Кизляромъ, опасенъ и безъ довольноаго числа военныхъ людей едва возможенъ, того ради Кизлярскую коммендантскую канцелярію всепокорнѣйше прошу благоволить прислать команду вооруженныхъ людей, коихъ я въ Дербентѣ ожидать буду. Въ прочемъ я не осмѣливаюсь опредѣлять числа людей для сего препровожденія за тѣмъ, что Кизлярская коммендантская канцелярія лучше, нежели я, знаетъ, чего великость опасности требуетъ, и сколько числомъ людей надобно у тѣхъ народовъ, чрезъ коихъ области мнѣ ѣхать должно будетъ. О семь только я всепокорно прошу, чтобъ въ сколько возможной прислать скорости, дабы я безъ нужды, а особливо въ зимнее время, очень долго ихъ въ Дербентѣ ожидать принужденъ не былъ.

¹⁾ Это сообщеніе и нижеприводимыя бумаги извлечены П. Л. Юдинымъ изъ Кизлярскаго комендантскаго архива. П. В.

²⁾ Проф. Гильденштетъ былъ одновременно командированъ отъ Академіи Наукъ для описанія Сѣвернаго Кавказа. По приказанію Кизлярскаго коменданта Штендера, его сопровождали два Кизлярскихъ казака. П. Ю.

Сіе сообщеніе посылаю я изъ Бакинскаго порта съ нарочнымъ для сего дѣла Кизлярскимъ Армяниномъ Рустаномъ.

Самуель Гмелинь.

1774 Генваря 5 дня.

*

№ 45, получ. 13 Февраля 1774 г.

Отъ ген.-маіора Демедема Кизлярскому коменданту Штендеру отъ 12 Февраля изъ Щедрина.

Государь мой! На рапортъ вашего высокоблагородія, сего числа ко мнѣ присланной, въ отвѣтъ изъясняюсь. По причинѣ задержанія слѣдующаго изъ Персіи господина доктора и профессора Гмелина Хаидацкимъ владѣльцемъ Уцміемъ-Амиръ-Амзою, Андреевскимъ, Аксайскимъ и прочимъ подданнымъ, наистрожайше подтвердя, запретить, чтобъ на помощь къ Кубинскому Феть-Али хану и къ Аварскому хану не ѣздили, для чего и съ моей стороны къ тѣмъ Андреевцамъ и Аксайцамъ писано. Шамхалу жъ то самое написать изволите, что имъ позволенія дать теперь по причинѣ сдѣланнаго захвата не можно, о чемъ и отъ меня такъ же соотвѣтствовано, по пріѣздѣ-жъ Андреевскихъ владѣльцовъ, сколько возможно принуждая ихъ, чтобъ они совершенно его профессора и съ находящимися при немъ людьми, какъ онъ за нихъ задержанъ, выручили, а равно и къ нему Уцмію написать претендателно, чтобъ онъ неотмѣнно онаго профессора отправилъ сюда со всѣмъ, что при немъ есть, а есть ли ослушенъ будетъ, то и сіе включить, что конечно Россійской дворъ сего его Уцмія противнаго поступка совершенно не оставитъ безъ изысканія, о чемъ и отъ меня къ нему писано. Однако жъ наиболѣе въ семъ случаѣ стараться вамъ долженствуетъ. Что жъ по пріѣздѣ къ вамъ тѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ произойдетъ, меня увѣдомить, во ожиданіи чего пребываю съ своимъ къ вамъ почтеніемъ.

Вашего высокоблагородія, государя моего, покорный
слуга Иванъ де-Медемъ.

*

№ 80. Получено 11 Марта 1774 года.

Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Астраханской губернской канцеляріи по иностранной экспедиціи г-ну полковнику, кавалеру и Кизлярскому коменданту Штендеру.

Минувшаго Февраля 22 числа сего года Нѣжинской мѣщанинъ Николай Ренталь поданнымъ въ губернскую канцелярію рапортомъ представилъ, что получилъ ояъ письменное извѣстіе отъ находящагося

въ Кизлярскихъ батальонахъ секундъ-маіора Храблева, яко отправленный отсюда, по Высочайшему соизволенію, по Каспійскому морю Физической экспедиціи гд-нъ проеессоръ, а его Ренталя зять, Гмелинъ взять въ горы на баранту владѣльцомъ Уцміемъ, что подтвердилъ ему Ренталю и пріѣхавшій нынѣ изъ Кизляра корпуса его высокопревосходительства гд-на генераль поручика и кавалера Ивана Ѳедоровича Демедема присланной отъ него капитанъ Луксъ. Того ради, по указу Ея И. В. и по опредѣленію Астраханской губернской канцеляріи, велѣно ко упоминаемому владѣльцу Уцмію подѣ приличными видами писать, и писано, съ требованіемъ, чтобы онъ благоволилъ, по его къ Россійской сторонѣ доброжелательству, помянутаго проеессора Гмелина, какъ посланнаго туда по Высочайшему соизволенію, изъ удержанія со всею свитою высвободить, и приказаль, буде онъ профессоръ еще свою комиссію не докончилъ, то и оную ко окончанію привести ему дозволилъ и имѣлъ всякое вспоможеніе, для чего подѣ видомъ того здѣшняго къ нему дружелюбія послано къ нему алаго сукна восемь аршинъ, штофу золотого восемь аршинъ, да ближнимъ его узденямъ тремъ челоувѣкамъ по четыре аршина. А чтобъ во исходатайствованіи его профессора изъ рукъ того Уцмія просьбами своими приложили все усердныя старанія свойственникомъ его Уцмія доброжелательной къ здѣшней сторонѣ Кубинской и Дербентской Ѳетхъ-Али-ханъ да, по дружелюбію съ нимъ Уцміемъ, горской владѣлецъ Тиссіясъ Бамотамъ, а ихъ поощрили бы Тарковской шемхаль и горской владѣлецъ Буинагъ Бамать, для чего и къ нимъ подѣ претекстами таковыя жъ просительныя письма отправлены, а находящемуся въ Кабардѣ съ корпусомъ его в. пр-ву гд-ну генераль-поручику и кавалеру Ивану Ѳедоровичу Демедему сообщить, а къ вамъ послать указъ и требовать, по ближайшему вашему къ Уцмію пребыванію, о высвобожденіи его профессора и съ своей стороны, по благому вашему разсужденію, всеусильней той къ нему Уцмію употребить просьбы, къ чему какіе есть ему Уцмію свойственники и дружелюбцы свѣдущіе есть, пристойнымъ образомъ склонить, для чего по часту, какъ ему Уцмію, его родственникамъ и дружелюбцамъ напоминать, и какія на то отъ кого отзывы быть могутъ, въ губернскую канцелярію давать знать. Какого-жъ содержанія помянутыя письма, съ нихъ для вашего свѣдѣнія при семъ прилагаются копии, съ чемъ совѣмъ ради скорѣйшаго доставленія отправленъ отсюда нарочной, и когда оной въ Кизляръ прибудетъ, то, принявъ вамъ отъ него депешы и подарки, и со оными, а при томъ буде случится къ кому просительныя о профессорѣ письма, и отправить все оное, по надлежащему порядку, для доставленія каждому своего безъ всякаго время продолженія изъ дворянъ или жъ изъ горскихъ кня-

зей кого вы за способнаго признать можете, съ надежнымъ къ тому человѣкомъ, а лучше-бъ кто изъ князей былъ познатнѣе, и съ достаточнымъ наставленіемъ, предписавъ ему во ономъ во первыхъ ѣхать ему ко владѣльцу Уцмію, которому какъ письмо и подарки и узденямъ его доставить вѣрно, ежели жъ чрезъ то онъ Уцмію ко освободѣ профессора Гмелина окажется склоннымъ и дѣйствительно отпустить, въ такомъ случаѣ къ прочимъ ханамъ посланныхъ писемъ уже не отвозить, а привести ему оныя въ Кизляръ, откуда и сюда доставить, а буде онъ Уцмію на увольненіе не согласится, въ такомъ уже случаѣ по адресу кому которое слѣдуетъ доставить вѣрно, безъ всякаго продолженія времени, и гд-ну полковнику, кавалеру и Кизлярскому коменданту учинить о томъ по сему Ея И. В-ва указу, а къ гд-ну генераль-поручику и кавалеру Демедему объ ономъ сообщено. Марта 7 дня 1774 года.

Михаилъ Барановъ.

(Губернаторскій товарищъ Астраханскаго губернатора).

Регистраторъ подканцеляристъ Иванъ Бакаевъ.

Копія.

Высокодостойный и высокопочтенный гп-динъ Дербенской и Кубинской Оетхъ-Али-ханъ.

На сихъ дняхъ здѣшнему правительству извѣстно быть стало, что свѣдущій вашему высокопочтенству находившейся въ Персіи посланной туда по Высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества, Всеавгустѣйшей Монархини Всероссійской, Всемилоствѣйшей Государыни нашей отъ Императорской академіи наукъ къ прибавленію надобности натуральной исторіи знающей и ученой человѣкъ, гд-нъ профессоръ Гмелинъ свойственникомъ вашего высокопочтенства почтеннымъ гд-номъ Тарковскимъ владѣльцемъ Уцміемъ захваченъ въ баранту и содержится при немъ безъ всякой причины; а какъ онъ гд-нъ профессоръ въ ваши и Тарковскіе предѣлы отправленъ по всевысочайшей волѣ Ея И. В-ва, въ такомъ случаѣ, вѣдая вашего высокопочтенства къ сторонѣ всемилоствѣйшей нашей Государыни оказуемое издревле добросердіе и благоугожденіе, дабы онъ гд-нъ профессоръ, яко отправленной, по Ея Императорскому соизволенію, на дальнѣйшее время въ предудержаніи не оставался, а какъ неискорѣе желаемое Ея И-мъ В-мъ исполнено и сюда доставлено было, здѣшнее правителство принужденнымъ нашлось вашего высокопочтенства дружески просить объявленному гд-ну профессору Гмелину у свойственника вашего почтеннаго гд-на Тарковскаго владѣльца Уцмія свободу нсходатайствовать, и ежели чего

имъ гд-номъ профессоромъ, по возложенной на него комисіи, въ предѣлахъ его почтеннаго владѣльца Уцмія не окончено, приказано бѣ было докончить и спросить съ тѣмъ, чтобъ ему почтенному гд-ну профессору, какъ и отъ вашего высокостепенства происходило вспоможеніе чинено было, за кое отъ него опредѣляемымъ его почтеннаго владѣльца людемъ и заплачено быть имѣеть, чемъ ваше высокопочтенство паче перваго доказать можете Ея Величеству свою усердность, за каковую во исполненіе всевысочайшей Ея И. В-ва воли оказанную вами и свойственникомъ вашимъ почтеннымъ владѣльцемъ Уцміемъ по дружбѣ къ нашей сторонѣ изъ благоусердія услугу всемилостивѣйшая наша великая государыня соизволить принять за благое угожденіе и не оставитъ оказать высочайшее свое снисхожденіе, о чемъ изъ здѣшняго правительства къ нему почтенному господину Уцмію, такъ же и Тарковскому шемхалу и брату вашего высокопочтенства почтенному владѣльцу Буйнагъ-Баматову писано. Ожидаемъ всякаго отъ вашего высокопочтенства удовольствія. Со особливѣйшимъ нашимъ къ вамъ почтеніемъ навсегда пребываемъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской всемилостивѣйшей великой Государыни нашей Императрицы губернаторскіе товарищи коллежскій совѣтникъ Михаилъ Барановъ, князь Николай Долгоруковъ.

28 Февраля 1774 года.

*

Письмо ген.-поручика Демедема Кизлярскому коменданту Штендеру отъ 3 Апрѣля 1774 г. изъ Моздока.

На рапортъ вашего высокоблагородія, вчерашній день ко мнѣ присланный, въ наставленіе предписывается.

Нѣтъ другого способа во освобожденіи задержаннаго профессора Гмелина съ командою, какъ только употребить къ тому Андреевскихъ владѣльцевъ, а особливо Темира Хамзина, которыхъ ваше высокородіе извольте съ полученія сего немедленно, не доводя вдаль, къ нимъ послать и призвать въ Кизляръ, употребя къ сему дѣйствительному исполненію мой совѣтъ: по пріѣздѣ тѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ въ Кизляръ, объявить имъ, чтобъ они совершенно того профессора старались выручить, какъ онъ особливо изъ-за нихъ, а ни за что другое и задержанъ, ибо они способъ къ сему освобожденію достаточный имѣютъ, яко то, чтобъ они употребляли въ сіе особливо Тарков-

скаго шемхала, брата Беззубова, который ему, Темиру, довольный другъ, а ему, Беззубому, объявленный Уцмій, сей послѣдній, ничего безъ него не можетъ въ прочихъ дѣлахъ дѣлать. А безъ того въ выручкѣ онаго бесполезно. Если Темиръ посылкою своею къ нему не согласить шемхалова брата и не выручить профессора, задержать его и еще хотя одного съ нимъ владѣльца въ Кизлярѣ, а чрезъ то скорѣе можно желаемое въ пользу получить, объявля между прочимъ имъ: есть ли они къ сему употребятъ дѣйствительность и высвободятъ профессора, то за то получаютъ высочайшую милость и награжденіе, нежели ему, Уцмію, какъ варвару, тридцать тысячъ давать денегъ, и что вы по сему предъуспѣете, меня увѣдомить, однакожь, сіе дѣло дѣлать какъ скоро можно, не отлагая далѣе.

Иванъ Де-Медемъ.

*

Письмо Гмелина, полученное 24 Апрѣля 1774 г.

Его высокоблагородію господину полковнику и кавалеру и Кизлярскому коменданту Иванъ Ивановичу фонъ-Штендеру.

Казанищенскій владѣлецъ Дисисъ-Магметъ, при отъѣздѣ своемъ отъ Усмея, призвавъ меня, объявилъ, что онъ у Усмея меня выпросилъ и чтобы я точно былъ увѣренъ, что онъ черезъ десять дней пріѣдетъ опять сюда, и меня непременно возьметъ, а между тѣмъ временемъ долженъ онъ поговорить съ Темиръ-Булатъ Черкасскимъ и есть ли то готово, что ему Темиръ-Булатъ обѣщалъ, то онъ немедленно меня возьметъ; при томъ меня просилъ, чтобъ я объ этомъ къ вамъ и Темиръ-Булату Черкасскому написалъ, что я и учинилъ, прося ваше высокоблагородіе, чтобы вы его удовольствовали обѣщаніями, какихъ обстоятельства потребуютъ и какія безъ дальнихъ слѣдствій учинить можно. А Уцмей на представленіе словесное дворянина Филатова отвѣтствовалъ, что ему отпустить меня не можно прежде, нежели судъ съ Андреевцами по ихъ законамъ и обычаямъ отъ вашего высокоблагородія учиненъ будетъ, а о деньгахъ сказалъ, что онъ это представилъ для того, что, можетъ-быть, Андреевцамъ легче покажется деньги отдать вмѣсто Терекеменискихъ Татаръ. Когда же ему Филатовъ представилъ, что Темиръ Андреевскій ему братъ, и что они по дружбѣ и братству могутъ между собою разобратъ безъ дальнихъ ссоръ и захватовъ Россійскихъ людей, Уцмей на то сказалъ, что это правда, что онъ ему братъ, но онъ много захватывалъ ихъ людей за баранту, однако не получилъ своихъ Терекеменицовъ, а какъ

недавно увѣдомился, что Андреевцы наши подданные, то онъ нашихъ Россійскихъ людей захватилъ, надѣясь, что Россія принудитъ Андреевцевъ его удовольствовать. О всемъ семъ Филатовъ и студентъ Михайловъ вамъ обстоятельнѣе донесутъ. Чтожъ до меня касается, я не могу понять, для чего Уцмей отъ Россіи требуетъ то, что находится у его брата, и не знаю, который меня обманываетъ, Уцмей или Дисисъ-Магметъ. Есть ли сей послѣдній правду мнѣ обѣщаль, то ваше высокоблагородіе покорнѣйше прошу его обѣщаніями удовольствовать и склонить къ тому, чтобы онъ меня немедленно взялъ, ибо время медленности не требуетъ. На Уцмея Феть-Али ханъ войною идетъ, и Уцмей уже по лѣсамъ ночуетъ, со дня на день непріятеля ожидая. Я опасуюсь, чтобъ въ этомъ смятеніи, отъ Уцмея въ отчаяніи, или отъ сборищнаго варварскаго, изъ разныхъ народовъ состоящаго, Феть-Али ханова войска какого зла мнѣ съ людьми не приключилось. При томъ разсудите, какая остановка во всѣхъ дѣлахъ, до должности моей касающихся, отъ долговременнаго моего здѣсь пребыванія происходитъ. Есть ли же на Дисисъ-Магмета надежды нѣтъ, то паки принуждать усильнѣйшимъ образомъ Андреевцевъ, всему моему несчастью виновныхъ, чтобы меня выручили. Многіе Андреевцы сюда пріѣзжаютъ, и не знаю для чего ложные слухи распускаютъ, будто Крымъ у насъ отнять, Моздокъ и Кизляръ и Казань взяты; также извѣстно, что многіе изъ Терекменцовъ, въ Андрееву деревню ушедшихъ, хотятъ паки къ Уцмію возвратиться; такъ же изъ Андреевой деревни слухъ палъ, будто вы просили Шамхала и Феть-Али-хана, чтобы или украсть, или силою взять, что Уцмей самъ Филатову объявилъ. При томъ Темиръ Андреевскій Уцмею другъ, а Шамхаль непріятель, да и Шамхаль радъ, что меня задержали и не выпускаютъ. Всѣ сіи обстоятельства вашему высокоблагородію извѣстнѣе, нежели мнѣ; мнѣ только остается въ заключеніе васъ покорнѣйше просить, чтобы какимъ-нибудь образомъ скорѣе меня выручить для вышесписанныхъ обстоятельствъ.

Профессоръ Гмелинъ.

Изъ Берекея 20 дня Апрѣля 1774 года.

*

Извѣстно вашему высокоблагородію, что я въ началѣ сего года изъ города Баку приличнымъ сообщеніемъ просилъ васъ, дабы благоволили, какъ мнѣ въ силу инструкціи моей изъ Дербента въ Кизляръ сухимъ путемъ ѣхать непремѣнно должно, прислать мнѣ въ Дербентъ такую военную команду, какую довольною разсудить для безопаснаго меня провозженія отъ Дербента до Кизляра, при томъ я

упомянулъ, не получивши такой команды или отвѣта, что сухимъ путемъ ѣхать опасно, изъ Дербента не выѣду. На мою просьбу вы согласились, прислали мнѣ команду, въ 25-ти человекѣхъ состоящую, и при ней отвѣтъ на мое сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, о Уцмѣѣ писали, чтобы я его, по причинѣ его отъѣздовъ, приласкалъ подарками. Отъѣздъ на Россійскомъ языкѣ значитъ отвѣтъ или отказъ; а какіе эти отъѣзды были, того не упомянуто; а о опасности ни слова также не было упомянуто. Такимъ образомъ, положась на ваше знаніе, команду и мурзъ, отъ васъ присланныхъ, отправился я изъ Дербента и Хайдатскимъ Уцмеемъ пойманъ и ограбленъ, конвой почти весь и мурзы отпущены, а я удержанъ за баранту, о чемъ Уцмей и писалъ тогда къ вамъ. Хотя отъ Уцмеева владѣнія до Кизляра въ 8 дней удобно взадъ и впередъ съѣздить можно, однако отъ васъ черезъ семнадцать дней письмо къ Уцмею прислано, которымъ вы требовали, чтобы онъ меня немедленно отпустилъ, писано такъ же было и отъ его превосходительства господина генераль-поручика и кавалера Ивана Федоровича де-Медема о томъ же но Уцмей совсѣмъ отказалъ и письменно вамъ объявилъ, что не токмо меня не отпустить, но и всякихъ Россійскихъ людей, черезъ его владѣніе проѣзжающихъ, ловить и удерживать будетъ, пока двухсотъ семей Терекменцовъ и осмидесяти Жидовъ, за тридцать предъ симъ или болѣе лѣтъ отъ него въ Андрееву деревню бѣжавшихъ, не получить. При томъ и я къ вашему высокоблагородію писалъ, изъяснивъ вамъ бѣдность моего состоянія и прося о скоромъ избавленіи, но въ три недѣли никакого отъ васъ отвѣта не получилъ. Между тѣмъ Уцмей мнѣ объявилъ, что онъ за Терекменцовъ своихъ можетъ деньги взять, и тридцатью тысячами рублевъ доволенъ будетъ; при томъ требовалъ, чтобы я объ этомъ написалъ, и самъ отъ себя письмо о томъ же къ вамъ послать обѣщавъ, что и учинено; и я послалъ къ вамъ студента моей экспедиціи Ивана Михайлова, чтобы словесно вамъ все состояніе дѣла изъяснилъ; при томъ и письменно вамъ требованіе Уцмеево объяснилъ, прося такъ же, чтобы вы, по благоразумію вашему, меня освободить постарались. Какъ я ожидалъ Михайлова возвращенія, пріѣхавъ къ Уцмею посланный отъ Андреевскихъ владѣльцовъ Казанищенскій владѣлецъ Дисисъ-Магметъ требовать меня отъ Уцмея и ему объявилъ, что онъ за мною только пріѣхавъ и не отъѣдетъ, пока меня не выпросить. Въ тотъ день, когда онъ отъ Усмея поѣхавъ, по утру онъ Дисисъ - Магметъ меня позвалъ и мнѣ чистосердечно, повидимому, объявилъ, что онъ съ Уцмеемъ дѣло о моей свободѣ окончилъ, что черезъ десять дней назадъ пріѣдетъ и меня возьметъ. Черезъ восемь дней потомъ Михайловъ пріѣхавъ, и съ нимъ дворянинъ Филатьевъ,

съ письмами отъ васъ къ Уцмею посланной, но оба они никакой помощи мнѣ не привезли, выключая малое число провіанта и обстоятельное извѣстіе о состояніи дѣла моего. Ибо Уцмей дворянину о выпускѣ моемъ, именовъ вашимъ просящему, отказалъ и требовалъ, чтобы люди его ему были отданы. По приѣздѣ дворянина на другой день, т. е. 21 Апрѣля, Уцмей въ горы меня отвести приказалъ, въ деревню Маджались, гдѣ я и теперь нахожусь въ крайней бѣдности, и шестую уже недѣлю ожидаю вашего вспоможенія, но тщетно, а что впредѣ послѣдуетъ, не знаю. Между тѣмъ должность моя и дѣла государственныя, мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества порученныя, понуждаютъ меня объявить вамъ слѣдующее. Хотя всѣ Академическія, Астрономическія и Физическія экспедиціи особливымъ благоволеніемъ наслаждаются отъ ея Императорскаго Величества и всѣ имяннымъ высочайшимъ ея повелѣніемъ учреждены и отправлены по государству; однако мнѣ порученная особливую милость и матернее попеченіе Ея Императорскаго Величества чувствовать счастье имѣлъ; ибо кромѣ онаго общаго о всѣхъ экспедиціяхъ имяннаго повелѣнія, во всѣ губерніи посланнаго, Ея Императорское Величество о моей экспедиціи два особливыхъ имянныхъ указа къ бывшему Астраханскому губернатору Бекетову послать благоволила; первый о отправленіи меня въ Персію, а другой,—чтобы меня отправить на восточный берегъ моря Каспійскаго, въ которомъ Ея Императорское Величество бѣдльшее, нежели матернее, къ моей экспедиціи благоволеніе оказать изволила; ибо, между прочимъ, Астраханскому губернатору повелѣла, дабы онъ мнѣ объявилъ, чтобы въ бытность мою на восточномъ берегу далѣе отъ берега не удалялся; дабы хотя я и попадусь въ варварскія руки, можно было меня возвратить. Но тамъ стараніемъ Астраханскаго губернатора и губернской канцеляріи не токмо никакого несчастія мнѣ не приключилось, но и великая честь во всѣхъ мѣстахъ оказана. Изъ сего слѣдуетъ, что когда Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая самодержица наша, Астраханскій губернаторъ и губернская канцелярія толикое попеченіе о безопасности, предосторожности и выгодахъ моей экспедиціи приложили, то правда требуетъ, чтобы всякій Россійскій комендантъ равное стараніе возымѣлъ, а особливо ваше высокоблагородіе, потому что вы приняли на себя изъ Дербента въ Кизляръ препроводить. Но вмѣсто того, чтобы мнѣ теперь быть въ Кизлярѣ или Петербургѣ, сию четвертый уже мѣсяць въ крайней бѣдности, нищетѣ и отчаяніи за препровожденіемъ и стараніемъ вашимъ. Ибо есть ли бы вы въ Дербентъ ко мнѣ команды оной малой не прислали и написали, что ѣхать опасно сухимъ путемъ, я бы обратно въ Баку отправился на судно мое и

теперь давно бы былъ въ Россіи. Но понеже такъ сдѣлалось, и я пойманъ отъ Уцмея, отъ первыхъ дней Февраля мѣсяца, по сіе время можно бы изыскать способъ къ моему освобожденію, и вы имѣли изрядный, но не знаю для чего его упустили, а именно: Андреевскихъ владѣльцевъ задержать и по тѣхъ поръ не пускать, пока бы я возвратился. Ибо за нихъ я задержанъ, и такъ праведно было за меня ихъ задержать. Но какъ прошедшаго возвратить не можно, и что уже сдѣлано, того передѣлать нельзя, то я ваше высокоблагородіе покорно прошу отъ сего времени больше обо мнѣ попеченіе возымѣть, нежели прежде, и мое дѣло причестъ къ другимъ вашимъ дѣламъ, которыя поважнѣе обыкновенныхъ, и наконецъ исторгнуть меня изъ рукъ непріятельскихъ, въ чемъ, дабы вы успѣть могли, предложу вамъ способъ, который самъ Уцмей, въ ужасъ отъ Фетъ-Али-хана и шамхала приведенный, мнѣ подаль. За десять дней предъ симъ прислалъ онъ ко мнѣ Андреевскаго у него для обученія дѣтей живущаго попа объявить, что онъ отъ Андреевцевъ ни людей своихъ, ни денегъ не требуетъ, а только хочетъ, чтобы они съ нимъ попрежнему въ союзѣ жили, и въ случаѣ нужды вспоможеніе давали; что ежели Андреевцамъ Россія дозволить, онъ обѣщаетъ меня отпустить. И такъ мнѣ предложилъ, чтобы я отъ себя человѣка съ письмами послалъ къ вамъ и самъ своего послать обѣщаль; но прежде хотѣлъ послать къ Дисисъ-Магмету просить совѣта. Посланный отъ Дисисъ - Магмета третьяго дня пріѣхалъ и объявилъ, чтобы Уцмей на Андреевцевъ не надѣялся. И такъ онъ послать людей къ вамъ отказалъ. Но какъ я его просилъ, чтобы онъ мнѣ дозволилъ своего человѣка послать и дать знать вамъ о его требованіи; онъ согласился. Сей случай я употребилъ въ пользу и послалъ къ вамъ того же студента Ивана Михайлова, который вамъ всѣ обстоятельства изъяснить. Впрочемъ, мое мнѣніе есть слѣдующее. Изъ всѣхъ рѣчей и обстоятельствъ видно, что Андреевцы хотятъ съ нимъ въ дружбѣ жить и вспоможеніе давать; такимъ образомъ можно имъ дозволить, чтобы они въ этихъ дѣлахъ сами между собою разбирались, какъ вы о Терекменцахъ къ Уцмею писали; есть ли же не хотятъ подлинно, какъ Уцмей сказалъ, то ничего другого не остается, какъ ихъ усиленно принудить, чтобы меня возвратили; понеже я за нихъ содержусь въ плѣну. Впрочемъ все на ваше разсужденіе оставляю; только васъ увѣряю, что каждая недѣля моего здѣсь пребыванія великія препятствія въ дѣлахъ моей экспедиціи причиняетъ, или, лучше сказать, совсѣмъ оныя остановила; отъ чего коликкой ущербъ казнѣ государственной, а особливо Академіи Императорской, сами вы разсудить можете. Наконецъ, ваше высокоблагородіе прошу, дабы вы благоволили такія мнѣ вспоможенія въ

сей крайней бѣдности оказать, какихъ студентъ Михайловъ моимъ именемъ отъ васъ просить будетъ, а особливо посылать ко мнѣ всякую недѣлю извѣстія и нужнѣйшій провіантъ, ибо Уцмей посланныхъ не задерживаетъ; при томъ есть ли что темно вамъ въ сообщеніи семъ попадется, онъ вамъ изъяснить, и все, о чемъ онъ васъ словесно или письменно просить будетъ, за мою истинную просьбу почитайте, а особливо извѣстія частыя и провіантъ посылать, есть ли мнѣ избавленіе не скоро послѣдуетъ, ибо нѣтъ ничего бѣднѣе, какъ сидѣть у непріятеля въ гладъ и отчаяніи. А вамъ никакого труда не состоитъ дворянина сюда послать съ нужными вещами.

Самуель Гмелинъ.

Изъ Маджалиса съ Кавказскихъ горъ.

23 Мая 1774 года.

*

При указѣ отъ 24 Іюня 1774 г. Астраханская губернская канцелярія прислала Кизлярскому коменданту Штендеру, адресованное на его имя, письмо отъ графа Никиты Ивановича Панина.

№ 209. Получено 1 Іюля 1774 года въ Кизлярѣ.

Государь мой Иванъ Ивановичъ!

Задержаніе, учиненное совсѣмъ неожиданнымъ образомъ профессору Гмелину на проѣздѣ его изъ Персіи владѣльцемъ Хайдатскимъ Уцміемъ, хотя и неизвѣстно теперь здѣсь въ какихъ обстоятельствахъ остается, но по принятымъ къ выроченію его со стороны вашей мѣрамъ, о которыхъ вы донесли сюда совокупно какъ и о самомъ семъ случаѣ, чаятельно долженъ былъ уже сей варварскій владѣлецъ требованіи ваши о томъ принять въ достойное уваженіе.

Такимъ образомъ и ожидается вскорѣ отъ васъ извѣстіе, что захваченный профессоръ, о изторженіи котораго изъ рукъ варварскихъ и уничтоженіи тѣмъ происшедшаго въ сосѣднихъ вашего края народахъ соблазна, вы по долгу вашего званія все возможное стараніе по нынѣ употребили, дѣйствительно уже получилъ свободу, или же по крайней мѣрѣ вскорѣ освобожденъ будетъ, въ противномъ же случаѣ, еслибъ Хайдатскій владѣлецъ еще, ни на что несмотря, непреклоннымъ былъ, вы находитесь въ подвигѣ къ тому его убѣдить и принудить продолжаемыми сильными увѣщаніями или посредствомъ владѣльцевъ Кумыцкихъ, которые должны о томъ стараться, какъ здѣшніе подданные и какъ относящіеся къ нимъ единственно Хайдатскаго владѣльца претензіи и поводъ ему подавшіе къ тому насильному поступку.

Между тѣмъ приложенное при семъ письмо къ помянутому профессору препоручаю я вамъ, государь мой, гдѣ бѣ онъ нынѣ ни находился, доставить къ нему навѣрнѣйшимъ образомъ, употребля къ тому такое средство, какое наилучше за благо изобрѣтете по вашему на мѣстѣ усмотрѣнію.

Я пребуду въ прочемъ съ особливимъ къ вамъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, государь мой, вашего высокоблагородія графъ Н. Панинъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ
4 Іюня 1774 года.

*

Въ Кизлярскую комендантскую канцелярію.

Какъ я больше уже года нахожусь въ чужихъ краяхъ и съ перваго дня Октября 1774 года со всею моею экспедиціею жалованья не получалъ, того ради Кизлярскую комендантскую канцелярію покорно прошу, дабы благоволила въ силу приложеннаго при семъ изъ статей-конторы указа на всю мою экспедицію за двѣ трети, то-есть съ перваго дня Октября 1773 года по первый день Іюня нынѣшняго, выдать жалованіе, кое я поручилъ принять студенту моей экспедиціи Ивану Михайлову, который въ пріемъ оныхъ денегъ и распишется, а двутретнее всѣхъ чиновъ, въ экспедиціи моей находящихся, жалованье составляетъ сумму тысячу четыреста семь рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ, которое число и прошу выдать оному студенту. Изъ деревни Маджалиса Маія 28 дня 1774 года. Профессоръ Гмелинъ.

*

Коменданту Штендеру.

Уцмей на ваши ласковыя письма не склоняется, но еще больше гордится и грозитъ, какъ вы изъ письма его увидите, и дворянинъ Тарасовъ вамъ расскажетъ. Чего онъ требуетъ, я не знаю, только думаю, что лучше его удовлетворить поскорѣе и меня взять; есть ли онъ только требуетъ, чтобы Андреевцы къ нему на помощь пришли, то можно имъ сіе позволить съ тѣмъ, чтобы я немедленно былъ отданъ, и въ Петербургъ отписать, что для сей нужды это имъ дозволено. Я нахожусь при смерти, а Уцмей грозитъ не знаю что сдѣлать надо мною, а дѣлать ему осталось двѣ крайности: или умертвить меня гладомъ, либо оружіемъ или продать. Обо всѣмъ васъ обстоятельно увѣдомить дворянинъ Тарасовъ; я вамъ только напоминаю, чтобы полезное было для Россіи, чтобы варвары воевали противъ варваровъ, и другъ друга погубили, нежели, чтобы я пропалъ. Итакъ я думаю лучше бы позволить или приказать Андреевцамъ идти на помощь къ Уцмею, нежели приказывать имъ отказываться отъ дружбы Диснсъ-

Магмета и Али-Султана, чего Уцмей не бонется; ибо знаетъ, что они за Россію не стануть съ нимъ воевать и, можетъ-быть, Андреевцы притворно съ ними подружились, а внутреннѣ въ томъ же союзѣ находятся, и будутъ тайно помощь посылать. Всего бы лучше было всѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ и лучшихъ узденей, зазвавъ въ Кизляръ, посадить въ аманатный дворъ съ такимъ объявленіемъ, что по тѣхъ поръ выпущены не будутъ, пока я не приѣду въ Кизляръ, и приказать имъ посылать своихъ лучшихъ людей къ Уцмею разбираться по своимъ законамъ и его удовольствовать или деньгами, или людей его отдавъ, или трактаты съ нимъ заключа; а имъ сказать, что Россія за нихъ тридцать тысячъ денегъ не отдасть.

Профессоръ Гмелинъ.

Изъ Ахметъ-Кенпса,
11 дня Іюля 1774 года.

*

Г. полковнику и Кизлярскому коменданту Ив. Ив. Штендеру отъ оставшейся господина профессора экспедиціи физической, сообщеніе.

По кончинѣ господина профессора Гмелина, какъ я со всею находящеюся тамъ командою выпущенъ былъ, дошедши до Тарху ¹⁾, понеже казаки пѣшкомъ идти болѣе силы не имѣли, принужденъ я былъ нанять девять лошадей за двадцать пять рублей со всѣмъ и съ проводниками, съ такимъ условіемъ, чтобы имъ въ тотъ же день, какъ приѣдемъ, отдать помянутое число денегъ. А какъ оныя лошади для казаковъ единственно наняты, и я никакихъ денегъ не имѣю; того ради ваше высокородіе покорно прошу, дабы благоволили приказать объявленное число денегъ выдать Тарковскимъ онымъ людямъ, коихъ при семъ вашему высокоблагородію представляю ²⁾.

Академинъ наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 1 дня
1774 года.

¹⁾ Тарки, резиденція шамхала Тарховскаго, нынѣ находится въ Дагестанской области. П. Ю.

²⁾ О выдачѣ просимыхъ денегъ комендантская канцелярія обратилась (1 Іюля) въ воеводскую канцелярію; но послѣдняя выдать ихъ отказалась, потому якобы, что въ наличности такой суммы въ „рентеріи“ нѣтъ, а если есть серебряною монетою 850 руб. конфискованныхъ денегъ, то оныхъ воеводская канцелярія „къ отпуску учинить безъ позволенія главной команды не можетъ“ а „у здѣшнихъ купцовъ заимообразно сыскать не у кого“. За всѣмъ тѣмъ, разсуждала канцелярія, „рѣченному студенту въ пріемъ и роспискѣ въ шнуровой книгѣ должно имѣть у себя отъ профессора вѣрующее письмо, кое должно сообщено быть въ документъ“ Вслѣдствіе этого Кизлярскій воевода адресовался въ Астрахань. Указъ изъ губернской канцелярія немедленно о выдачѣ денегъ съ строгимъ выговоромъ воеводѣ полученъ въ Кизлярѣ уже тогда, когда Гмелина не было уже въ живыхъ. П. Ю.

*

Какъ съ начала плѣненія господина профессора Гмелина до самой кончины его разные способы употреблены были освобожденію его, и между тѣмъ разные денежные расходы потребны были, и при томъ и Астраханская губернская канцелярія прислала нѣкоторые подарки для вырученія его, и хотя ваше высокоблагородіе сами отпѣшите обо всемъ семъ въ Императорскую Академію Наукъ и въ другія пристойныя мѣста, однако должность требуетъ, чтобы и оставшаяся теперь безъ предводителя Академическая физическая экспедиція рапортомъ представила въ Академію о кончинѣ господина профессора и о всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ до экспедиціи касающихся, такъ же и о денежныхъ расходахъ, кои ваше высокоблагородіе употребили для вырученія его на счетъ его экспедиціи. Того ради ваше высокоблагородіе покорно прошу, дабы благоволили приказать дать къ намъ въ экспедицію извѣстіе, сколько денегъ для вырученія господина профессора употреблено на счетъ экспедиціи, и въ какихъ вещахъ состоятъ оныя подарки изъ губернской канцеляріи присланные, и какой цѣны они стоятъ, чтобы можно было безъ ошибки рапортомъ отъ экспедиціи представить о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ въ Императорскую Академію Наукъ.

Академіи Наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 2 дня 1774 года.

*

Понеже два только человекъ насъ до экспедиціи покойнаго господина профессора Гмелина принадлежащихъ находится, а именно: я студентъ и рисовальщикъ Бауръ, и дѣла здѣсь никакого болѣе не имѣемъ; того ради прошу покорнѣйше ваше высокоблагородіе отправить насъ въ будущую недѣлю въ Астрахань, и для того дать намъ одну двуконную арбу за казенные прогоны, кои прошу здѣсь подводчикамъ заплатить, и сверхъ сего приказать для провожанія и безопасности опредѣлить намъ надлежащій конвой до Астрахани.

Академіи Наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 2 дня 1774 года.

